

Н. А. Кисляков

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ М. В. КРЮКОВА «О СООТНОШЕНИИ РОДОВОЙ И ПАТРОНИМИЧЕСКОЙ (КЛАНОВОЙ) ОРГАНИЗАЦИИ»

В своей статье «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации» («Сов. этнография», 1967, ч. 6) М. В. Крюков выдвигает вопрос о существовании, наряду с родом и семьей, третьей формы социальной организации, которую он предлагает называть термином «клан». С некоторыми оговорками автор отождествляет ее с патронимией. В своих изысканиях на китайском материале он стремится показать, что в древнем Китае род (син) не был реальным производственным коллективом, а что таковым являлся клан (цзунцзу).

Так что же такое клан — цзунцзу по М. В. Крюкову? Автор начинает издалека. Он говорит о том, что эта третья форма социальной организации «обнаруживает внешнее сходство с родом, но в то же время базируется на принципах, лежащих в основе большой семьи» (стр. 85). Р. Фёрт, который, по словам автора, первый пришел к пониманию этого фактора, говорит, что родственные группы этого типа имеют сходство с генеалогическим деревом, отличаются иерархическим соподчинением входящих в него ячеек, они локализованы и в основе каждой группы лежит домохозяйство (стр. 85). По Дж. Мёрдоку такие социальные группы состоят из нескольких домохозяйств, главы которых ведут свое происхождение от общего предка (стр. 86). Далее говорится, что такая социальная организация была впервые изучена и описана М. О. Косвенном под именем патронимии (т. е. группы больших или малых семей, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины) (стр. 86). Характеризуя затем упомянутое выше китайское цзунцзу, автор отмечает, что ему свойственно определенное территориальное и общественное единство, что в основе цзунцзу лежали отношения, соответствующие понятию агнатии в римском праве (т. е. группы лиц, состоящих под общей отцовской властью). Мы не будем здесь приводить остальные характеристики цзунцзу, для нас достаточно и этого, чтобы понять, что автор во всех указанных случаях имеет в виду именно патронимию (см. также ссылку 51 на стр. 92), т. е. группу семей, образовавшихся в результате распада патриархальной семейной общины и сохраняющих некоторое хозяйственное, общественное и идеологическое единство, а также имеющих общее патронимическое наименование.

Однако, если все, или во всяком случае подавляющее большинство советских этнографов, вслед за М. О. Косвенном, сходятся на том, что патронимия появляется на последних стадиях распада первобытно-общинных отношений, то по М. В. Крюкову клан-патронимия сосуществует с родом и затем переживает последний; при этом М. В. Крюков утверждает, что его подход является историческим.

В статье много говорится о соотношении клана и рода и в связи с этим о локальности брака. По-видимому, при этом автор имеет в виду и концепцию, предложенную Н. А. Бутиновым, хотя и не называет имени последнего. С концепцией Н. А. Бутинова можно соглашаться и не соглашаться. Здесь мы считаем необходимым подчеркнуть лишь то обстоятельство, что община Н. А. Бутинова принципиально отлична от клана — хозяйственного и территориального объединения у М. В. Крюкова. Ведь если у Н. А. Бутинова ядро общины совпадает с родом и при этом община, как таковая, антагонистична семье (чтобы сохранить свое существование и хозяйственное единство община «борется» с семьей, стремится всячески умалить роль семьи), то у М. В. Крюкова клан — община мирно уживается с семьей, при этом она не только уживается с ней, но и сама состоит из групп семей, да еще каких семей — организованных по принципу *agnatio*. Не придется ли после этого действительно вернуться к Г. Мэну, Нибуру и Моммзену, признававшим изначально существование семьи в ее патриархальной форме?

Если обращаться к китайскому материалу, хотя бы и очень древнему, нужно все же задуматься над тем, что за род существовал в древнем Китае и был ли это архаичный род. Исторической хронологии еще мало, надо подходить к вопросу и стадияльно и только так оценивать явления; ведь если где-либо на периферии древнего Китая и существовали еще первобытно-общинные отношения, то в наиболее развитых областях, возможно, происходило уже разложение первобытных отношений. Нельзя же валить в одну кучу китайский, полинезийский, американский, переднеазиатский и другие материалы.

Не пора ли перестать запутывать наши представления о первобытном обществе, а начать их распутывать! Если советскими учеными внесены известные поправки в концепцию Л. Моргана о наиболее древних стадиях истории семьи и брака (кровнородственная и пуналуальная семья, малайская система родства), что было связано с недостаточным количеством достоверного материала во времена Л. Моргана по этим первичным стадиям, то более поздние этапы истории первобытного общества не требуют таких коренных поправок.

Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» приводит достаточно яркую и убедительную картину того, как шел процесс разложения первобытно-общинных отношений. «Новые общественные движущие силы» привели к гибели классической формы рода — материнского рода и характерного для него парного брака; первоначально процесс принял форму замены матрилинейности патрилинейностью, появился отцовский род. Однако причины его появления одновременно были и причинами его гибели, распада родовой организации вообще. Наступил момент, когда «отдельная семья сделалась силой и угрожающе поднялась против рода». На обширном материале, в частности на материале о древних германцах, Ф. Энгельс блестяще показал, как на развалинах рода возникают патриархальные семейные общины, соединившие в себе и хозяйственно-экономические, и семейно-брачные функции. Затем начинается процесс разложения патриархальных семей (общин), но еще долго сохраняются родственные связи; родственные друг другу семьи еще помнят свое происхождение от единого предка, оказывают друг другу помощь в необходимых случаях, иногда объединяются для некоторых хозяйственных мероприятий; культовых действий и т. п. Возникает то объединение, которое М. О. Косвен назвал патронимией.

Если автор данных строк и полемизировал с М. О. Косвеном по вопросу выделения патронимии в особую «стадию», то он никогда не думал

отрицать наличие таких родственных объединений, так как большой фактический материал говорит сам за себя. В условиях Средней Азии и Казахстана такие объединения зафиксированы исследователями в форме семейно-родственных групп, каун и т. п.¹ Многочисленные материалы по другим народам мира, как отмечает и сам М. В. Крюков, позволяют выявить тот же процесс, происходивший еще на глазах наших современников или же в недалеком прошлом. Из всего этого явствует, что патронимия — явление позднейшее, как уже говорилось, явление, характерное для позднейших этапов (вернее уже пережитков) первобытного общества.

В связи со всем сказанным возникает вопрос, в чем же заключается представление автора о клановой (патронимической) организации как историческом явлении. Обратимся к самому тексту статьи. «Первоначально сосуществуя с родом, пишет автор, клан переживает его и продолжает существовать и после разложения родовых связей» (стр. 93). Читатель вправе ожидать, что столь долговечный клан, начало которого теряется в седой древности (это можно уловить из слов автора о том, что патронимия может существовать и в матрилинейном варианте, стр. 87, другими словами в эпоху господства материнского рода), все же претерпевает какую-то существенную модификацию, что содержание его будет различным на более ранних и более поздних этапах первобытно-общинной формации. Но читателя ждет явное разочарование: вся разница лишь в том, что в эпоху родового общества он сосуществует с родом, а с исчезновением рода для благополучно здравствующего клана «родовые имена утрачивают свое прежнее значение и постепенно забываются», «члены клана утрачивают представление о принадлежности к определенному син (роду — Н. К.)» и «Экзогамия рода полностью вытесняется экзогамией цзунцзу (клана — Н. К.)» (стр. 93). И действительно, как могли не забыться родовые имена и не вытесниться родовая экзогамия, если исчез сам род! (Заметим, кстати, что вопрос о том, насколько сохранялась экзогамия в патронимии, далеко еще не ясен, часто она сменялась эндогамными браками). Добавим и еще одну «существенную» модификацию, приводимую М. В. Крюковым — «патронимия ши постепенно превращается в фамилии» (стр. 93); если эти слова вызовут у читателя недоумение, то пусть он обратится к ссылке на той же странице, в которой говорится о принципиальном отличии фамилии от патронимии, заключающемся в том, что фамилия есть нечто постоянное, а патронимия (патронимическое имя) периодически изменяется.

По поводу постоянности фамилий, конечно, можно бы и поспорить. Так, по словам В. А. Никонова, фамилия, по своей истории насквозь социальна. На Руси княжеские и боярские фамилии возникали с XIV до середины XVI в., а помещичьи формировались позднее — в XVI—XVII вв., фамилии горожан еще окончательно не сложились и в XVIII в., а подавляющее большинство крепостных крестьян не имело фамилий и в начале XIX в. Таким образом, прибавляет В. А. Никонов, утверждение В. К. Чичагова об окончании процесса образования фамилий к началу XVIII в. игнорирует социальные противоречия в России и может только дезориентировать читателя².

¹ Н. А. Кисляков, «Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов. По материалам Средней Азии и Казахстана», «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 99—100.

² В. А. Никонов, Личное имя — социальный знак; «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 159, 160.

Но дело, конечно, не в этих, так сказать, надстроечных явлениях. А социально-экономическая сущность клана, о которой говорит автор? Неужели она на протяжении тысячелетий останется неизменной, несмотря на появление новых движущих сил, о которых говорилось выше, несмотря на первое и второе крупные общественные разделения труда, несмотря на разложение первобытно-общинных отношений и становление классового общества?

Обо всем этом в статье мы не найдем ни слова. В конце статьи автор, критикуя Ю. И. Семенова, пишет, что «попытка последнего конструировать различные исторические формы рода «представляется недостаточно убедительной». Думаю, что эти слова могут быть с полным основанием возвращены самому М. В. Крюкову в отношении его гипотезы в целом и его исторического подхода к ней в частности.

SUMMARY

The author disagrees with M. V. Kryukov's archaization of patronymical organization. He underscores that M. O. Kosven's conception of that organization as a late one, arising as a result of big family segmentation, is well documented.
